

*Посвящается моему племяннику
Риверу Эмануэлю Уорду Эноху,
родившемуся 14 августа 2020 года*

Тед Баннерман

Сегодня годовщина Девочки с фруктовым мороженым. Это случилось одиннадцать лет назад у озера — вот она была, и вдруг ее не стало. Так что день, когда я обнаруживаю, что среди нас затаился Убийца, с самого начала можно назвать паршивым.

Первым делом мне на живот с пронзительным мяуканьем, напоминающим перезвон заводных часов, тяжело плюхается Оливия. Если на свете и есть что-нибудь лучше кошки в кровати, мне об этом ничего не известно. Я обхаживаю ее, как только могу, потому как позже придет Лорен и она тут же исчезнет. Моим дочери и кошке в одном помещении не ужиться.

— Я проснулся! — говорю я. — Сегодня твоя очередь готовить завтрак.

Она смотрит на меня своими желто-зелеными глазами, тихонько уползает, находит солнечный зайчик, бросается на землю, щурится и время от времени бросает в мою сторону взгляд. Кошки шуток не понимают.

Я поднимаю с крыльца газету. Мне нравится наше местное издание по той простой причине, что в нем сообщается о появлении редких птиц — если заметишь какое-нибудь необычное пернатое типа северного дятла или сибирской завирушки, им можно написать. Да-

же в такую рань затянутый маревом воздух теплый, как суп. Улица оживлена еще меньше обычного. Она притихла, будто погрузившись в воспоминания.

При взгляде на первую полосу у меня внутри все сжимается и скручивается в тугий узел. Вот и она. У меня совсем вышибло из головы, что сегодня ее годовщина. Со временем я не в ладах.

Фотография всегда одна и та же. Большие глаза, притененные полями шляпы, и пальцы, вцепившиеся в палочку мороженого с такой силой, будто она боится, как бы его не отняли. На голове влажные, блестящие, короткие, как у мальчишки, волосы. Она купалась, однако никто не закутал ее в пушистое полотенце, дабы вытереть. Мне это не нравится. Так можно подхватить простуду. Другую фотографию — ту, на которой изображен я, — на этот раз печатать не стали. Из-за этого газетчики нарвались на крупные неприятности. Хотя как по мне, то все же недостаточно крупные.

Ей было шесть. Все очень расстроились. В окрестностях, особенно у озера, у нас с этим проблема, поэтому ситуация развивалась быстро. Полицейские обыскали в округе дома всех, кто, по их мнению, мог причинить ребенку вред.

Поскольку мне при этом присутствовать не разрешили, я вышел на крыльцо. Было лето, глаза слепило от света, жара стояла, как на поверхности какой-нибудь звезды. От затяжного послеполуденного зноя у меня медленно обгорала кожа. Я слышал, как полицейские откидывали уродливый голубой ковер в гостиной, отдирали доски пола и простукивали перегородку за задней стенкой шкафа — им показалось, будто там прослушивается пустота. По двору расхаживали псы, заглядывали в спальню и куда только можно. Я знал,

что это за собаки. У таких в глазах белыми зубами оскаливалась сама смерть. Пока я стоял, ко мне подошел какой-то тощий малый с фотоаппаратом и стал снимать. Мне даже в голову не пришло его остановить.

— Нет картинки — нет статейки, — бросил мне он перед тем, как уйти.

Мне было невдомек, что под этим имелось в виду, но на прощание он весело помахал мне рукой, поэтому я ответил ему тем же.

— Что с вами, мистер Баннерман?

Детектив в женском обличе — вконец замотанная — напоминала собой опоссума.

— Ничего.

Меня трясло. «Молчок, Малыш Тедди». Зубы отбивали чечетку, будто я страшно замерз, хотя мне было жуть как жарко.

— Но вы закричали! Произнесли мое имя и, как мне показалось, слово «зеленый».

— Должно быть, подумал о той истории, которую напридумывал себе в детстве... О потерявшихся мальчиках, превращавшихся у озера во всякие зеленые штуковины.

Она окинула меня взглядом, который я хорошо знал. На меня все время так смотрели. Я крепко прижался к стволу дубка в палисаднике. Дерево наделяло меня своей силой. Что тут можно было сказать? Если и было что-то, то оно парило прямо над кромкой моих мыслей.

— Мистер Баннерман, это ваше единственное жилище? Другого дома где-нибудь поблизости у вас нет? Охотничьей сторожки или чего другого в этом роде?

Она вытерла с верхней губы пот. На нее непосильным грузом давили проблемы, будто ей на спину взвалили тяжеленную наковальню.

— Нет, — ответил я. — Нет, нет и нет.

Разговоров о воскресном убежище она бы не поняла.

В конце концов полицейские ушли. У них просто не было другого выхода, потому как после обеда я постоянно торчал у супермаркета «7-Eleven», это любой может подтвердить. Об этом же свидетельствует и запись с камеры видеонаблюдения. Я занимался там тем, что сидел на тротуаре у раздвижных дверей, а когда они разъезжались в стороны, выпуская в облаке прохладного воздуха очередных покупателей, просил у них конфетку. Иногда, когда у кого-то были сладости, мне что-нибудь давали, а порой даже специально покупали. Мамочка, узнай об этом, наверняка сгорела бы от стыда, но я так любил сладости. И никогда даже близко не подходил ни к озеру, ни к Девочке с фруктовым мороженым.

Когда полицейские наконец закончили и позволили мне вернуться в дом, там повсюду витал их запах — шлейфы одеколona, пота, пронзительно воняющей резины и химикатов. Меня огорчало, что они видели дорогие моему сердцу вещи, в том числе фотографию Мамочки и Папочки. Снимок уже тогда практически выцвел, и черты их лиц почти поблекли. Они прощались со мной, растворяясь в белизне. Еще на полке стояла сломанная музыкальная шкатулка — Мамочка привезла ее из своего далекого дома. Она уже не работала. Я расколотил ее вместе с матрешками в день, когда произошла история с мышонком. Сорванная со своего пьедестала крохотная балеринка тогда упала на пол и умерла. Может, из-за этого мне стало еще хуже. (Не знаю почему, но я называл ее Элоизой; она попросту выглядит именно как Элоиза.) В моих ушах звучал мелодичный Мамочкин голос. *Ты забираешь у меня что только можно, Теодор. Все забираешь, забираешь и забираешь.*

Все эти люди смотрели своими глазами на мои вещи, отчего у них в головах рождались собственные мысли, и дом уже не ощущался моим.

Я закрыл глаза и сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. А когда вновь их открыл, мне в ответ самодовольно улыбнулась матрешка. Рядом с ней стояла музыкальная шкатулка. Гордо выпрямившись, балеринка Элоиза грациозно вскинула над головой руки. С фотографии улыбались Мамочка и Папочка. Прекрасный оранжевый ковер радовал ноги мягкими катышками.

Мне сразу же стало лучше. Все было в порядке. Это мой дом. В ладонь ткнулась головой Оливия. Я засмеялся и подхватил ее на руки.

И от всего этого почувствовал себя совсем хорошо. Но на чердаке над моей головой завозились зеленые мальчики.

На следующий день я попал в газету, прямо под заголовок «Обыск в доме подозреваемого». Я стоял перед своим жилищем. Полицейские обыскали и другие дома, однако из статьи могло показаться, что побывали они только у меня. Другие, надо полагать, оказались достаточно умны, дабы прикрыть руками лица. *Нет картинки — нет статейки.* Мою фотку поместили рядом со снимком Девочки с фруктовым мороженым, что само по себе уже представляло отдельную историю.

Названия улицы к фотографии не прилагалось, но ее, по всей видимости, все равно узнали. В окна полетели камни и кирпичи. Много. Стоило мне заменить стекло, как в него тотчас опять влетал камень. Мне показалось, я схожу с ума. Это повторялось столько раз, что я сдался и заколотил окна фанерой. Нападавшие подостыли. Какой интерес швырять булыжники, если

больше нечего разбить? Я перестал днем выходить на улицу. Для меня наступили скверные времена.

Девочку с фруктовым мороженым — то есть газету с ее фотографией — я положил в чулан под лестницей. Чтобы сунуть ее в самый низ кучи, мне пришлось наклониться. И в этот момент мне на глаза попался магнитофон, едва выглядывавший из-под горы печатной продукции на полке.

Я тут же его узнаю. Он принадлежал Мамочке. Снимаю аппарат с полки. От прикосновения к нему возникает странное чувство, будто рядом звучит шепот, который мне не разобрать.

Пленка уже в аппарате — половина записана, вторая пуста. Старая, с полосатой, желто-черной этикеткой, кассета. Правильный Мамочкин почерк. *Заметки.*

Слушать я ее не слушаю. И так знаю, что на ней. Мамочка всегда наговаривала свои заметки вслух. Она слегка спотыкалась на согласных, и избавиться от этого до конца ей так и не удалось. В звуках ее голоса слышалось море. Мамочка родилась далеко-далеко, под темной звездой.

«Просто оставь его в покое, — думаю я, — забудь, что ты его видел».

Я съел маринованный огурчик и теперь чувствую себя гораздо лучше. В конце концов, все это случилось давным-давно. Становится все светлее, природа обещает самый замечательный день. Прилетят птицы. Каждое утро они высыпают из леса и опускаются у меня на заднем дворе. Желтогорлые певуны, королюки, овсянки, клесты, воробьи, черные дрозды, голуби. Их там пруд пруди — один красивее другого. Мне нравится за ними наблюдать. В надлежащем месте я проделал в куске фанеры аккуратную дырочку нужного размера, обеспечив полный обзор заднего двора. Помимо про-

чего, я постоянно слежу, чтобы была вода и никогда не пустовали кормушки. В такую жаркую погоду птицам порой бывает несладко.

Я уже собираюсь за ними понаблюдать, как в любой другой день, но в этот момент у меня что-то екает в груди. Порой нутро узнает о чем-либо быстрее мозга. Что-то явно не так. Слишком уж тихое это утро. Я говорю себе не дурить, делаю глубокий вдох и припадаю глазом к отверстию.

Первым делом вижу сойку. Она лежит в самом центре лужайки. Яркая мешанина ее перьев сверкает, словно нефтяное пятно на воде. И судорожно дергается. Одно крыло молотит по воздуху в отчаянной попытке взлететь. На земле птицы всегда выглядят неестественно. Задерживаться там надолго им не положено.

Дрожащими руками я поворачиваю ключи в трех массивных замках двери черного хода. *Щелк, щелк, щелк.* И даже сейчас трачу несколько секунд, чтобы обратно их запереть. Птицы лежат на опаленной зноем траве, разбросанные по всему двору. И без конца барахтаются, безнадежно застряв в каких-то непонятных штуковинах, издали напоминающих куски коричневатой бумаги. Многие, особой двадцать, уже мертвы. Другие еще живы. Подсчитав, я обнаруживаю, что продолжают биться семь сердечек. Птицы хватают клювиками воздух, высунув в агонии узкие черные язычки.

Мои мысли стайкой муравьев разбегаются в разные стороны. Дабы понять, что произошло, достаточно сделать три вдоха. Ночью кто-то пришел и установил у каждой кормушки клеевые ловушки, обернув ими проволочные клетки и прикрепив к подвешенным на тетиве шарам. Прилетев на рассвете покормиться, птицы клювиками и лапками увязли в липкой массе.

«Убийство, убийство, убийство...» Я могу думать только об этом и ни о чем другом... Кто мог так поступить с птицами? Потом в голову приходит другая мысль: «Надо разобраться. Нельзя допустить, чтобы это увидела Лорен».

У проволочной изгороди припала к земле бездомная полосатая кошка, пожирающая картину происходящего своими янтарными глазами.

— Пошла прочь! — ору я.

Затем хватаю первое, что попадает под руку, — пустую банку из-под пива — и швыряю в нее. Снаряд летит мимо и попадает в столб. *Баммм*. Зверюга уходит, медленно переставляя свои лишённые когтей лапы, будто уйти было исключительно ее идеей.

Я собираю живых птиц. В моих руках они слипаются вместе, образуя дергающуюся массу, и напоминают чудовище из самых страшных кошмаров — повсюду лапки, глаза и клювики, жаждущие воздуха. Когда я пытаюсь отодрать их друг от дружки, перья отделяются от плоти. Пернатые не издают ни звука, и это хуже всего. Птицы не люди — когда им больно, они замирают.

Я отношу их в дом и предпринимаю любые мыслимые усилия, какие только приходят в голову, дабы растворить клей. Но после нескольких попыток с использованием растворителя понимаю, что делаю только хуже. Птицы закрывают глаза и судорожно дышат. Я больше не знаю, что делать. Они увязли навсегда — ни туда и ни сюда. И хотя еще не мертвы, но жить уже тоже не могут. Поначалу в голову приходит мысль их утопить, затем — разбить молотком головы. Одна идея сменяется другой, от чего меня охватывает все более жуткое, зловещее чувство. Я подумываю открыть шкаф, в котором хранится ноутбук. Может, что-нибудь подскажет Интернет. Но при этом понятия не имею,

куда положить птиц. Стоит им к чему-нибудь прикоснуться, как они тут же намертво прилипают.

Затем я вспоминаю одну передачу по телевизору. Попытаться стоит, тем более что уксус у нас есть. Орудуя одной рукой, я отрезаю кусок шланга, беру большой пластиковый контейнер «Таппервер», пищевую соду и достаю из-под раковины белый уксус. Затем аккуратно кладу внутрь птиц, герметично закрываю крышкой, а в предварительно проделанное в ней отверстие втыкаю шланг. После чего смешиваю в пакете пищевую соду с уксусом и прилаживаю его к шлангу с помощью аптечной резинки. В итоге у меня получается газовая камера. Воздух в контейнере начинает меняться, и копошение перьев постепенно стихает. Я не отвожу от происходящего глаз, ведь смерть достойна того, чтобы за ней понаблюдать. Даже когда это смерть птицы. Все заканчивается быстро. Они и без этого уже наполовину сдались от страха и жары. Последним выпускает дух голубь; его выпяченная грудка вздымается и опадает все меньше, пока не замирает окончательно.

Убийца превратил в душегуба и меня.

Я уношу трупики на помойку на заднем дворе. Безвольные, все еще теплые тельца, мягкие на ощупь. Где-то по соседству косят газон. В воздух закрадывается запах свежескошенной травы. Окрестные жители пробуждаются от сна.

— Ты в порядке, Тед? — спрашивает человек с волосами цвета апельсинового сока, который каждый день гуляет с собакой в лесу.

— Конечно, все хорошо, — отвечаю я.

Он смотрит на мои ноги, и до меня доходит, что на мне нет ни обуви, ни даже носков. Ступни у меня белые и волосатые. Я прикрываю одну из них другой, но отнюдь не чувствую себя от этого лучше. Пес тяжело дышит и скалит на меня зубы. Обычно домашние